

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук, профессора
Невважая Игоря Дмитриевича о диссертации Тухватулиной Лианы
Анваровны «Проблема рациональности в науке о праве», представленной
на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности
09.00.01 - онтология и теория познания

Тема рациональности многогранна и её появление связано с обнаружением зависимости требований, предъявляемых к человеческому разуму, от исторически изменяющегося социокультурного контекста и предметной области. Но есть ли какой-то общий смысл рациональности безразличный к указанным контекстам? Трудно рассчитывать на однозначный обоснованный ответ на данный вопрос, но философы пытаются этот смысл найти как ориентир для оценки степени рациональности деятельности человека в разных сферах. Диссертант здесь присоединяется к той точке зрения, что рациональность должна обеспечивать «гармонизацию человека и бытия, «вписывания» человека в окружающий мир» (с. 5).

Рациональность осмысливалась до сих пор в основном на материале естественных и математических наук. Поэтому важно исследовать вопрос о рациональности в системе гуманитарного знания и познания. Этому посвящена рассматриваемая диссертация, и это несомненно есть свидетельство её новизны. Автор представил весьма обстоятельный и компетентный анализ состояния разработки проблемы. Если брать отечественную философию, то проблемы рациональности была достаточно обстоятельно проанализирована и разработана. В то же время проблема рациональности в гуманитарном познании и особенно в философии права явно недостаточно рассматривалась в отечественной философской и юридической литературе (с. 7). И обращение к этой проблеме является заслугой автора диссертации.

Обосновывая актуальность темы диссертации Л.А. Тухватулина права, считая, то «анализ проблемы рациональности в правопонимании способствует прояснению вопроса о специфическом эпистемологическом статусе науки о праве» (с. 7). Это действительно суперактуальная задача. На стр. 8 отмечается, что «глубокое понимание сути проблемы рациональности способствует лучшему пониманию «целей права», а именно, социальных ориентиров правового регулирования в условиях динамично развивающегося общества». Это также чрезвычайно важная задача, значимость которой сегодня возрастает, так как, с одной стороны, глубокое понимание рациональности будет способствовать лучшему пониманию целей права, при этом очень важно понять, насколько цели права определяют его рациональность, и насколько рациональность права определяет его цели. Эта тема обостряется в ситуациях, когда политика стре-

мится определять цели для права, а право своей «внутренней» рациональностью стремится влиять на политику.

Из глубокого анализа состояния проблемы в современной литературе и четкой постановки цели исследования, которые диссертант ясно формулирует свои задачи. Они вполне соответствуют уровню диссертационного исследования.

Диссертация Л.А. Тухватулиной состоит из двух разделов, первый содержит две главы, второй раздел - три главы. В каждой главе по несколько параграфов. Всё это свидетельствует о четкой и ясной структурированности материала исследования.

В первом разделе диссертации «Формалистский и антиформалистский подход к обоснованию рациональности в науке о праве» были рассмотрены основоположения формалистского и антиформалистского подходов к обоснованию рациональности в науке о праве на примере учения Г. Кельзена и американского правового реализма. Выбор этих двух подходов не случаен. Во-первых, они достаточно широко представлены в юридических науках, и, во-вторых, демонстрируют возможность противоположных трактовок формально-нормативной юридической рациональности.

Нормативистская теория права Ганса Кельзена оценивается диссертантом как философский априоризм (с. 19), с чем я не могу согласиться. И хотя Г. Кельзен строит теорию права по аналогии с геометрией Евклида, его понятие «основная норма» не является аксиомой, априорной идеей, а ей лишь придается статус аксиомы, поскольку любая юридическая норма должна быть ей подчинена. Содержание «основной нормы» нигде не определена, и она по сути отождествляется с Конституцией, или «правом на право». Позитивизм же теории Кельзена состоит в том, что «основная норма» и прочие нормы существуют лишь как текст. Право имеет здесь сугубо лингвистическую природу. В диссертации показано, что в «чистом учении о праве» Ганса Кельзена создается идеальная модель юридической рациональности, построенная на принципе строгой логической дедукции и научного метода интерпретации правовых норм, в которой выносятся за скобки все субъективные характеристики субъектов правоприменения (в частности, судей). Раскрываются предпосылки юридического идеала формальной рациональности: внеюридические основания правового мышления не являются значимыми как в теории толкования права, так и в практике его применения, и основная норма принимается в качестве отправной аксиомы юридического мышления. «Вопросы о её происхождении, социокультурной обусловленности и этической релевантности объявляются некорректными и выносятся за рамки рассмотрения» (с. 32). Формальный тип рациональности характеризуется последовательностью, логической стройностью и обоснованностью. В третьем параграфе первого раздела проанализированы достоинства и ограниченность формальной рациональности.

В то время как Г. Кельзен полагал, что только логическое устройство правового корпуса, во-первых, и знание принципов этого устройства, во-вторых,

могут гарантировать максимально «чистое» правоприменение. Как показано во второй главе американский правовой реализм стоит на радикально противоположной позиции, отстаивая идею решающей роли значимости правовых установлений через процедуры судебного усмотрения. Отправным пунктом анализа юридической рациональности для сторонников реализма является скептическое отношение к возможности чистой и незаинтересованной реализации смысла правовой нормы в отправлении правосудия. А потому во главу угла представители этого направления ставили проблему комплексного исследования всей совокупности факторов, влияющих на судей в ходе рассмотрения конкретных юридических дел.

Философские основания противостояния формальной и прагматической рациональности связаны с противопоставлением сфер должного и сущего. Кельзен, развивая линию неокантианства в юридической науке, отделял сферу должного как самостоятельную по отношению к сфере сущего. Американский правовой реализм стремился понять рациональность сферы сущего. В этой сфере вряд ли доминируют такие характеристики формальной рациональности, как указанные выше последовательность, логическая стройность и обоснованность. Вместо этого предлагается акцентировать внимание на правоприменении. В параграфе 1.2.1. анализируется концепция американского судьи О. Холмса. Он предлагает смотреть на право глазами «негодяя», которого интересует прежде всего вопрос о том, как поведет себя судебная система в ответ на те или иные действия. Таким образом здесь важное всего указывается прогностическая функция права. Рациональность права здесь определяется его предсказуемостью со стороны того, к кому применяются законы. Кельзеновская рациональность - это рациональность законодателя и законопослушного субъекта. Право же существует и для «плохих», несовершеннолетних людей. И здесь уже рациональность права иная. В диссертации исследованы философские истоки антиформалистского подхода (параграфы 1.2.3. и 1.2.4.). Автор обосновывает, что к таковым относится прежде всего прагматизм. Его влияние сказалось, прежде всего, на том, как понимался юридический «факт», который фиксирует судья (с. 52-54). Вполне обоснованным является важный вывод автора о том, что «именно радикальность и, как следствие, неизбежная односторонность изложенных подходов являются причиной их недостаточности и методологической уязвимости» и утверждение, что перспектива может быть задана рассмотрением права в качестве разновидности социальных технологий, при этом «носители юридической рациональности (в первую очередь, судьи) будут осмысляться в роли акторов, реализующих социальные преобразования посредством отправления правовых решений» (с. 58-59).

Второй раздел «Внеюридическая обусловленность рациональности в праве: некоторые способы концептуализации» диссертации начинается с интересного исследования истоков антиморальных тенденций в праве по М. Веберу. Важным результатом этой части исследования стало обоснование

необходимости использования понятий «логически формальной» и «материальной» рациональности, разработанных М. Вебером. Значимость этих понятий в анализе юридической рациональности состоит в том, что они позволили концептуально зафиксировать основные затруднения в исследовании проблемы: соотношения внутренней логики права (его формальной рациональности, гарантирующей принцип верховенства права) с социальными ориентирами правоприменения (его материальной рациональностью). Кроме того, значимой тенденцией в понимании рациональности в праве является переход от жестко формалистского к материальному пониманию, который обоснован Вебером как следствие динамики капиталистических отношений, требующей все более гибкого правоприменения. Л.А. Тухватулина обосновывает вывод о том, что для дальнейшей разработки проблемы соотношения материальной и формальной рациональности требуется найти языка описания, позволяющего выявить механизм их соотношения в правовой системе (с. 76). Автор считает, что таким продуктивным языком является язык системной теории Н. Лумана.

В главе 2.2. «Рациональность как системное свойство права: подход Н. Лумана» проделан весьма добросовестный и глубокий анализ взглядов Н. Лумана на право с точки зрения системного подхода. Показано, что использование понятий «нормативной замкнутости» и «когнитивной открытости» в контексте системной теории позволяет Н. Луману доказать, что формальная рациональность гарантирует устойчивость воспроизводства права и предсказуемость правоприменения. Л.А. Тухватулина показала, что рациональность, по Луману, определяется сочетанием нормативной замкнутости и когнитивной открытости правовой системы, которые, с одной стороны, призваны гарантировать постоянство структурной композиции, а с другой – обеспечивать способность системы адекватно реагировать на новые внешние раздражения. Баланс между этими двумя способностями системы и позволяет, в конечном счете, судить о мере её рациональности. Здесь понятие нормативной замкнутости оказывается своего рода аналогом формальной рациональности, в то время как «когнитивная открытость» функционально схожа с понятием материальной рациональности. Соискатель делает при этом важный вывод, что именно проблема соотносительности правовых норм и принципов их интерпретации (внутренней структуры права, его «механики») с внешним социальным контекстом («средой») и составляет ядро проблемы рациональности в праве. Характер подобного рода соотносительности является общим свойством рациональности права (с. 103). Стоит отметить важный результат, полученный диссертантом в связи с анализом юридических коллизий. Он состоит в демонстрации необходимости употребления «размытых понятий» как важного элемента нормативной основы для гибкости правоприменения, они выступают своего рода «защитным поясом» правовой системы, «позволяющим ей сохранять собственную стабильность и эффективность в условиях постоянного информационного дефицита» (с. 100).

Рассмотрение в главе 2.3. «Материальная рациональность и поворот к междисциплинарности в науке о праве: случай «права и экономики» методологических оснований «права и экономики» позволило выявить эпистемологическое измерение «материализации» рациональности в праве. Активное развитие этого междисциплинарного направления может быть объяснено ограниченностью эпистемологических ресурсов правовой науки в применении к исследованию рациональности. Подобного рода ограниченность обусловлена, прежде всего, нормативной природой юридического знания. В этой связи целесообразным является обращение к ресурсам науки экономики, поскольку экономическое моделирование рациональности в значительной мере связано с эмпирическим исследованием реальных ценностных предпочтений индивидов. Междисциплинарная кооперация, таким образом, оказывается обоснованным следствием все более комплексного понимания оснований рациональности в праве. Некоторые реалии этого взаимодействия продемонстрированы автором на примере перераспределения моральных издержек институтом деликтного права.

Значимость междисциплинарного взаимодействия Л.А. Тухватулина обосновывает в категориях лумановского анализа, согласно которому каждая из областей знания (систем) увеличивает меру рациональности другой области за счет предоставления более полной информации о её «среде». Этот процесс возможен постольку, поскольку смежные области знания в некотором смысле и составляют «среду» друг для друга. Автор делает обоснованный вывод, что с точки зрения тезиса о тенденции к «материализации» рациональности, междисциплинарный диалог оказывается чрезвычайно продуктивным. Ведь будучи ориентированным на более гибкую нормативную регуляцию капиталистических отношений, право крайне нуждается в знании о специфике этих самых отношений. «Потому экономический анализ права во многом способствует более полной реализации принципов материальной рациональности в правоприменении» (с. 127).

Проведенное исследование позволило выявить комплексный характер проблемы рациональности в науке о праве; объяснить постепенный переход от жесткого формального к все более гибкому, социально ориентированному пониманию рациональности, а также обосновать значимость перехода к междисциплинарному анализу в связи с нарастающей «материализацией» рациональности в праве.

Вместе с тем, можно высказать ряд замечаний относительно некоторых проблемных ситуаций, которые рассматриваются в диссертации.

1. Диссертант считает, что существует общий смысл рациональности безразличный к исторически изменяющемуся социокультурному контексту и предметной области и присоединяется к той точке зрения, что рациональность должна обеспечивать «гармонизацию человека и бытия, «вписывания» человека в окружающий мир» (с. 5). С этой позицией можно поспорить. Поскольку рациональность оправдана целью, достижению

которой она служит, то она зависит от содержания цели (целей) и от того, насколько та или иная цель сама рациональна. В частности, можно задаться вопросом, насколько рациональна цель «гармонизацию человека и бытия, «вписывания» человека в окружающий мир». Здесь мы впадаем в круг обоснования рациональности. Кроме того, не ясно, почему гармонизация отношений человека с миром необходимо предполагает «вписывание» человека в мир. Можно было бы апеллировать к прагматике и считать, что рационально всё то, что сохраняет человеческое существование в этом мире, но и последнее релятивно. Всё это, на мой взгляд, свидетельство того, что общий смысл рациональности безразличный к исторически изменяющемуся социокультурному контексту и предметной области отсутствует.

2. Ограниченность формально-нормативной и материальной (прагматической) рациональности по мнению автора диссертации требует определенного их синтеза, который видится диссертантом в том, что «личностная компонента юридической рациональности (принцип судейского усмотрения) является дополнительной по отношению к её формально-нормативной составляющей. Вместе они обозначают горизонты проблематизации рациональности в дисциплинарных рамках науки о праве» (с. 15). По поводу этого важного тезиса хотелось заметить, что непонятно, как выглядит указанная «дополнительность». Принцип дополнительности Н. Бора - это одно, а дополнительность в логике - совершенно другое, а дополнительность в смысле «с одной стороны – с другой стороны» - третье. Неясно, что означает дополнительность двух альтернативных видов рациональности в юриспруденции.
3. Продолжением предыдущего вопроса является вопрос о том, чем определяется мера соотношения её собственно правового (формально-нормативного) и внеюридического (заданного социальными ориентирами правоприменения) компонентов, выявление которой автор считает «ядром проблемы обоснования рациональности в науке о праве» (с. 131).
4. Хотя и нельзя объять необъятное, но жаль, что автор ограничился анализом лишь учения Г. Кельзена при рассмотрении формальной рациональности и оставил без внимания работы крупнейшего правоведа XX века Г. Харта, который является продолжателем кельзеновской линии нормативизма. В его учение о первичных и вторичных правилах представления о рациональности в праве получают новое развитие.
5. Важными показателями специфики рациональности в праве являются правовые аксиомы, фикции и презумпции, которые остались, к сожалению, без внимания со стороны автора диссертации. Мне представляется это досадным упущением.

Высказанные замечания существенно не снижают положительную оценку результатов работы, её философские результаты. Основные идеи диссертационного исследования хорошо апробированы: по теме диссертации опубликовано 13 работ, в том числе глава в коллективной монографии, 5 статей

в журналах по списку ВАК РФ, другие публикации в количестве 7 единиц.

В целом диссертация Л.А. Тухватулиной заслуживает высокой оценки. Представлен квалифицированный анализ мало изученной проблемы рациональности в науке о праве. Автором диссертации получены новые результаты, они опираются на анализ большого массива прежде всего зарубежной литературы, которая пока слабо используется в отечественных исследованиях по философии права. Работа отличается высокой философской культурой, последовательностью изложения, четкой аргументацией. В конце разделов сделаны краткие и четкие выводы, имеющих важное значение для дальнейших исследований. Автореферат отражает содержание диссертации.

Диссертация Л.А. Тухватулиной представляет собой научно-квалификационную работу, в которой получены новые научные результаты, имеющие важное значение в области онтологии и теории познания особенно в отношении гуманитарных наук.

Диссертационное исследование «Проблема рациональности в науке о праве» соответствует требованиям п.п. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Положением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор Тухватулина Лиана Анваровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 - онтология и теория познания.

Дата: 02 февраля 2018 года.

Официальный оппонент
доктор философских наук, профессор
кафедры философии ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»

Невважай Игорь Дмитриевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Юридический адрес: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.

Тел.: 8(8452)299202

E-mail: post@ssla.ru

С публикациями официального оппонента можно ознакомиться по следующему адресу в сети Интернет:

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=77166&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0

